

Министерство образования и науки Российской Федерации

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (НИ ТГУ)

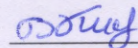
Филологический факультет

Кафедра русской и зарубежной литературы

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ В ГЭК

Руководитель ООП

д-р филол. наук, профессор

 В. С. Киселёв

« 10 » июня 2016 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА БАКАЛАВРА

ФЕНОМЕН МИСТИЧЕСКОГО В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

по основной образовательной программе подготовки бакалавров

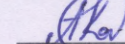
направление подготовки

45.03.01 – Филология

Лебедева Вероника Анатольевна

Руководитель ВКР

профессор, д-р. филол. наук

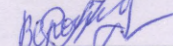
 А. А. Казаков

подпись

« » 2016 г.

Автор работы

студент группы № 1321

 В.А.Лебедева

подпись

Томск 2016

Министерство образования и науки Российской Федерации

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (НИ ТГУ)

Филологический факультет
Кафедра русской и зарубежной литературы

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ В ГЭК

Руководитель ООП
д-р филол. наук, профессор
_____ В. С. Киселёв
«_____» _____ 2016 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА БАКАЛАВРА

ФЕНОМЕН МИСТИЧЕСКОГО В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

по основной образовательной программе подготовки бакалавров

направление подготовки

45.03.01 – Филология

Лебедева Вероника Анатольевна

Руководитель ВКР
профессор, д-р. филол. наук
_____ А. А. Казаков
подпись
«_____» _____ 2016 г.

Автор работы
студент группы № _____
_____ В.А. Лебедева
подпись

Томск 2016

Оглавление

Введение	3
I Глава. Мистицизм в жизни Достоевского	7
Глава II. Мистическое как потустороннее: непосредственные столкновения героев с потусторонними сущностями	13
Глава III. Мир духов.....	20
Глава IV. Мистическое как божественное. Связь человека с Богом	25
Глава V. Сновидения как прикосновения к мистическому миру	30
Глава VI. Прозрение и пророчество в романах	37
Заключение	45
Список литературы:	47

Введение

Данная работа посвящена исследованию феномена мистического в творчестве Ф.М. Достоевского. В качестве рассматриваемого материала взяты романы «Преступление и наказание» (1866 г.), «Идиот» (1868 г.), «Бесы» (1872 г.), «Подросток» (1875 г.), «Братья Карамазовы» (1880 г.).

Актуальность данной работы обусловлена тем, что, во-первых, мистическое в творчестве русского писателя становится предметом многих исследований, трактующих его больше как религиозный или идеологический мистицизм, однако, практически нет работ, где бы мистическое рассматривалось со всех сторон, беря во внимание все грани мистического и все его проявления в романах.

Во-вторых, мистицизм в творчестве писателя является частым предметом спора среди исследователей. Реалист ли Ф.М.Достоевский? Мистик? Религиозный мистик? Или же его реализм, как считал Н.Бердяев, мистический реализм?

Чтобы попытаться охватить целостную картину, следует разбить понятие мистическое в его творчестве на отдельные грани.

Таким образом, **цель данной работы** – рассмотреть мистицизм в романах Достоевского, во всех его проявлениях, как целостную картину.

Задачи:

1. Рассмотреть мистическое в жизни самого писателя;
2. Рассмотреть мистическое как потустороннее: непосредственные столкновения героев с потусторонними сущностями;
3. Рассмотреть мир духов в романах;
4. Рассмотреть мистическое как божественное. Связь человека с Богом;
5. Рассмотреть сновидения как прикосновение к тонкому миру;
6. Рассмотреть прозрения и пророчества в романах.

О реальности мистического у Достоевского пишет Н.Бердяев, ссылаясь на самого писателя: «Сам Достоевский иногда любил себя называть реалистом и считал реализм свой – реализмом действительной жизни». [2;21]

Н. Бердяев считает, что нельзя назвать Достоевского реалистом, если только не мистическим реалистом, каковой и является художественная действительность писателя». [2;23] В своей книге «Дух и реальность» Н.Бердяев в одной из глав описывает сущность мистики, он говорит о том, что «подлинная мистика и есть реализм, она обращена к первореальностям, к тайне существования <...>. Мистика есть как бы "откровение откровения", раскрытие реальностей за символами. Настоящие мистики были реалистами, различали реальности. Реализм же совсем не тождествен с объективацией». [2;428]

Делая различие между духовным и душевным, Н.Бердяев относит мистику к духовному и говорит, что это «пробуждение духовного человека, который видит реальности лучше и острее, чем человек природный, или душевный». [2;428]. Но духовность, таким образом, тесно связана с понятием божественное. В этом смысле важно рассматривать связь человека с Богом, что является одной из граней мистического.

Понятие мистицизм можно трактовать по-разному. Не существует четкого определения мистицизма и четкой его структуры. Однако, попытаемся разобраться, что оно в себя включает, и с чем придется работать, исследуя эту тему.

Современный толковый словарь изд. «Большая Советская Энциклопедия» толкует это понятие как «умонастроения и учения, исходящие из того, что подлинная реальность недоступна разуму и постигается лишь интуитивно-экстатическим способом, каковой усматривается в мистике. Как философская доктрина – разновидность интуитивизма и иррационализма». [41]

Кандидат филологических наук Э.А. Евтушенко пишет о том, что «мистика – одно из наиболее сложных явлений духовной сферы

человечества, связанное с разными областями его жизни: религией, наукой, искусством. Это широкая, многогранная, но часто трудноуловимая и достаточно опасная тема, потому что она способна незаметно увлечь исследователя на путь спекуляций и околонуточных измышлений». Она рассматривает мистический сюжет в творчестве Ф.М. Достоевского, который становится центральной проблемой ее работы. «Новаторство Ф.М. Достоевского, — пишет Э.М. Евтушенко, — проявилось в построении внутри его романских структур системы внефабульных связей, придающих определённым событиям мистический смысл и характер не разрешимой до конца тайны». [15]

Достоевского часто обвиняли в том, что он, будучи писателем реалистом наполняет свои произведения неким фантастическим, мистическим подтекстом. Однако как пишет А.А. Казаков в своей монографии о том, что «мистическое тоже реально, как считает Достоевский, но оно не имеет фактической, предметной, документируемой природы. И в художественном отображении оно остаётся мерцающим, ускользающим, недоказуемым. Показывать его иначе — значит искажать его сущность». [17;95]

О том же говорит и Н.Бердяев, что у Достоевского реально всё: «реально отношение человека и Бога, человека и дьявола, реальны у него идеи, которыми живет человек». [2;22] То есть писатель не отграничивает от реального мира мир мистический, а вписывает его в контекст обыденности, как нечто неотъемлемое от действительности. Такой неотъемлемой частью являются сны героев, несущие в себе пророческий смысл. Тема прозрения вообще характерна для Достоевского, которая как раз больше всего проявляется во снах героев.

В.С. Соловьев в своих речах в память Достоевского вспоминает о нем как о христианине и именно то, что он (Достоевский) «воспринял христианскую идею {гармонически} в ее тройственной полноте: он был и мистиком, и гуманистом, и натуралистом вместе». [37;4] То есть у

Достоевского, по мысли Соловьева, была некая внутренняя связь со сверхчеловеческим. В этом он был мистиком. В этом мистическом чувстве Достоевский «находил свободу и силу человека; зная все человеческое зло, он верил во все человеческое добро и был, по общему признанию, истинным гуманистом». [37;4] Однако, как ранее уже было замечено, Соловьев также отмечал, что «его вера в человека была свободна от всякого одностороннего идеализма или спиритуализма: он брал человека во всей его полноте и действительности; такой человек тесно связан с материальной природой – и Достоевский с глубокой любовью и нежностью обращался к природе, понимал и любил землю и все земное, верил в чистоту, святость и красоту материи». [37;4]

Так, например, Д.С. Лихачев, рассуждая о смысловой нагрузке сновидений в произведениях Достоевского, приходит к выводу, что «сны выступают как тайные причины событий», что имеет под собой некую пророческую подоплеку. «Во многих случаях сновидения кажутся «реальнее» остального действия, ибо они являются узлами сюжета и определяют судьбу героя», – пишет Д.С. Лихачев. [24]

Д.С. Лихачев в этой связи вводит понятие «сюжетный мистицизм», которое также важно для нашего исследования.

Об этом говорит и Миресашвили: «Сны у Ф.М. Достоевского, обладая сложной символикой, способствующей познанию, играют действенную роль для постоянно колеблющихся героев, предваряя и подталкивая к принятию окончательного решения, а сновидческое начало проявляется в сходстве реальности и сновидения, которое достигается зыбкостью границ между ними». [29]

I Глава. Мистицизм в жизни Достоевского

В творчестве Достоевского просматриваются мистические сцены, образы и персонажи. Этот мистицизм имеет в том числе биографическую подоплеку.

В заметках к роману «Подросток» Достоевский написал: «Чтобы написать роман, надо запастись, прежде всего, *одним* или *несколькими* сильными впечатлениями, пережитыми сердцем автора действительно. В этом дело поэта». [12;16;10] Впечатлений в жизни писателя было достаточно, к тому же, сам он являлся человеком страстным и импульсивным, что придавало его впечатлениям большую выпуклость. Как пишет Ю.Карякин: «В истоках каждого его романа были, конечно, конкретные, неповторимые впечатления, и отыскать их – задача исследователя. Но было у него несколько столь сильных впечатлений, «запаса» которых хватило на всю жизнь. В их числе – две встречи со смертью». [18]

Это всем известная инсценировка казни петрашевцев, в числе которых был и Ф.М.Достоевский, состоявшаяся 22 декабря 1849 года, наложила огромный отпечаток на всю последующую жизнь и творчество великого писателя.

«Он побывал *там* и вернулся оттуда, – пишет Ю.Карякин, – вернулся, открыв бесконечную ценность жизни, бесконечную ценность *живого времени*, бесконечную ценность каждой минуты, пока мы живы. И не этой ли встречей со смертью и объясняется еще, что все вопросы он ставил отныне в самой предельной остроте, как вопросы жизни и смерти — буквально, не переносно, не метафорически, как вопросы жизни и смерти всего человечества, как вопросы неотложные? И не отсюда ли еще и его провидческий дар?» [18]

Достоевский, действительно, был наделен сильной интуицией, а так же, не притязая на звание провидца, уверял, что видит вещие сны. Так в 1866

году он писал А.Г. Сниткиной: «Я придаю снам большое значение. Мои сны всегда бывают вещими». [12;29;536]

В творчестве Достоевского ярко просматриваются философские идеи Э.Сведенборга, Б.Паскаля и У.Блейка. Об этом заявляют многие исследователи. Так, например, Ч. Милош в статье "Достоевский и Сведенборг" анализирует степень влияния второго на русского писателя.

Ф.М. Достоевского интересовала тема мистицизма не только в художественном пространстве, но и в реальной жизни. Хотя он довольно скептически относился к современному спиритизму, однако же, не отрицал существование и влияние потусторонних сил в нашем мире. Как замечает Е.В. Никольский в своем исследовании, что Достоевский был решительно уверен в том, что во время спиритических сеансов вместо духов являются черти. Никольский пишет: «В 1889 году в журнале «Север» Вс. Соловьев поместил свою публицистическую статью «Искание религии», в котором вновь затронул некоторые аспекты осмысления теософии и спиритизма». Соловьев был также глубоко заинтересован сферой таинственного и мистического и в письме поделился своими интересами с Ф.М. Достоевским. Достоевский на письмо не ответил, однако «во время их совместного путешествия по Германии, маститый писатель раскрыл своему коллеге собственный взгляд на эту проблему: «... лет двадцать назад мне пришлось обсуждать сильные развитые медиумические явления вместе с покойным Достоевским. Когда мы должны остановиться на действительном присутствии этих вне нас находящихся деятелей, он с присущей ему страстью стал повторять: "Это черти, врут они, называя себя духами умерших. – Это черти!"» [33]

Достоевский был серьезно озадачен и обеспокоен повышенным интересом общества к современному, ставшему модным явлению. Так как он придерживался православного вероисповедания, поэтому считал спиритизм крайне негативным явлением для христианства.

Никольский в своей работе, опираясь на позицию святителя Феофана пишет, что спиритизм «стремится заменить собой всякую религию вообще и самому стать мировой религией. С этой целью спиритизм старается убедить всех, будто бы он дает то, чего люди не знали и что стоит несравненно выше того, что они знали; между тем как веро- и нравоучение спиритизма, выдаваемое им за новое откровение духов, является не только не «новым», а даже и не самостоятельным, как заимствованное отовсюду». [33] Об этом же пишет и сам Достоевский в январском номере «Дневника писателя» 1876 года, где он написал о спиритизме и о своем к нему отношении. Глава называлась «Спиритизм. Нечто о чертях. Чрезвычайная хитрость чертей, если только это черти». Он говорит, что хотя он и шутил о чертях с первого до последнего слова, но «если взглянуть на спиритизм как на нечто, несущее в себе как бы новую веру (а почти все, даже самые трезвые из спиритов склонны капельку к такому взгляду), то кое-что из вышеизложенного могло бы быть принято и не в шутку. А потому дай бог поскорей успеха свободному исследованию с обеих сторон; только это одно и поможет как можно скорее искоренить распространяющийся скверный дух, а может быть, и обогатит науку новым открытием. А кричать друг на друга, позорить и изгонять друг друга, за спиритизм, из общества – это, по-моему, значит лишь укреплять и распространять идею спиритизма в самом дурном ее смысле. Это начало нетерпимости и преследования. Чертям того и надо!» [12;22;36-37]

Критикуя спиритизм, Достоевский пишет о том, что это никакие не духи отвечают на вопросы медиума, а черти. «Но чтобы исследовать: черти ли это? – пишет Достоевский, – нужно чтобы хоть кто-нибудь из ученых составившейся комиссии был в силах и имел возможность допустить существование чертей, хотя бы только в предположении. Но вряд ли между ними найдется хоть один, в черта верующий, несмотря даже на то, что ужасно много людей, не верующих в бога, верят, однако же, черту с удовольствием и готовностью. А потому комиссия в этом вопросе некомпетентна». [12;22;33]

То есть Достоевского волновал тот факт неразумения человеческого по поводу таких вопросов. Но и сам он сетует на то, что до конца не верит в свою собственную теорию.

Из Дневника писателя: «Вся беда моя в том, что я и сам никак не могу поверить в чертей, так что даже и жаль, потому что я выдумал одну самую ясную и удивительную теорию спиритизма, но основанную единственно на существовании чертей; без них вся теория моя уничтожается сама собой». [12;22;33]

Достоевский в этой главе выступает как бы в защиту чертей, то есть против обвинения их в глупости. Что якобы духи, то есть черти посредством столовращения отвечают на вопросы медиумов глупо, неграмотно, что никаких новых мыслей они не вносят и т.д. «Так судить – чрезвычайная ошибка. Ну что вышло бы, например, если б черти сразу показали свое могущество и подавили бы человека открытиями?» [12;22;33] Достоевский приходит к выводу, что сначала людьми овладел бы восторг ликования, а затем начался бы раздор. «Настанет скука и тоска: всё сделано и нечего более делать, всё известно и нечего более узнавать. Самоубийцы явятся толпами, а не так, как теперь, по углам; люди будут сходиться массами, схватываясь за руки и истребляя себя все вдруг, тысячами, каким-нибудь новым способом, открытым им вместе со всеми открытиями. И тогда, может быть, и возопиют остальные к богу: "Прав ты, господи, не единым хлебом жив человек!"». [12;22;33]

Здесь хочется сделать отсылку к сну Версилова о золотом веке в романе «Подросток». Именно к такому выводу и приходит герой к концу романа.

То есть по логике Достоевского черти хотят на раздоре основать свое царство. «Для чего же им раздор именно тут понадобился? А как же: взять уже то, что раздор страшная сила и сам по себе; раздор, после долгой усобицы, доводит людей до нелепости, до затмения и извращения ума и чувств». [12;22;33]

Однако, здесь вопрос в том, что Достоевский сам до конца и не верил в это. Так, мистическое выступает как недоказуемое.

Казаков А.А. пишет, что «в мире Достоевского есть измерение, которое строится именно как фантастическое в общепринятом смысле, т.е. мерцающее, миражное, неуловимое и не подтверждающееся, не подлежащее документированию, отклоняющееся от правдоподобно-реалистического как основы. Так характеризуется «духовное» в специфически буквальном виде – мир духов, потустороннее, мистическое». [17;95]

Многие исследователи находят причины необычных видений самого писателя в его болезни. Б. Бурсов высказал мысль, что Достоевский «бесконечно дорожил эпилепсией как условием пророческого дара». [6;83] Следует отметить некоторые факты его биографии, где он свою болезнь наделял некоторой сверхчувствительностью. В примечаниях к роману «Идиот» Достоевский пишет: «Все вы, здоровые люди, и не подозреваете, что такое счастье, которое испытываем мы, эпилептики, за секунду перед припадком. Магомет уверяет в своем Коране, что видел рай и был в нем. Все умные дураки убеждены, что он просто глуп и обманщик. Ан нет! Он не лжет! Он действительно был в раю в припадке падучей, которою страдал, как и я. Не знаю, длится ли это блаженство секунды, или часы, или месяцы, но, верьте слову, все радости, которые может дать жизнь, не взял бы я за него». [12;9;442-443]

Отсюда можно сделать вывод, что те персонажи, которые у Достоевского были наделены его собственной болезнью, (а их мы встречаем немало в его творчестве), могли испытывать тот же мистический опыт (если таковым можно его назвать), что и сам писатель.

Роман «Идиот» в этом смысле биографичен, в виду того, что главный герой романа князь Мышкин страдает тем же недугом, что и сам писатель, а болезнь (или не только болезнь, с этим предстоит разобраться) является причиной его необычных способностей. Что касается князя, то он как «положительно прекрасный человек» уже самой своей фигурой воплощает

нечто фантастическое. Об этом писал Р.Г. Назиров: «Роман «Идиот» подвергался особым нападкам как произведение нереалистическое, даже «сказка». В самом деле, хриstopодобный человек на улице современного города — это исключение. В дразнящей двойственности образа князя Мышкина заключен сильный фантастический элемент. Фантастичны ясновидение князя Мышкина, его неотразимое воздействие на окружающих и даже мотивы его поступков <...>. Неудивительно, что критика квалифицировала князя Мышкина как выдумку: «таких не бывает»». [31]

Итак, в биографическом контексте мы можем выделить следующие точки повышенного мистического интереса писателя: сон, эпилепсия, опыт ожидания смертной казни. Достоевский интересовался мистическим опытом Сведенборга и У. Блейка, а также природой новомодного спиритизма.

Глава II. Мистическое как потустороннее: непосредственные столкновения героев с потусторонними сущностями

В предыдущей главе было представлено то, как Достоевский относился к спиритизму и к чертям в жизненном контексте и в публицистике. Потусторонние сущности Достоевский-писатель изображает и в своих произведениях. Таковыми являются двойник в одноименной повести, призраки, которых видит Свидригайлов и Ставрогин, дух матери, который удерживает Дмитрия Карамазова от отцеубийства, черт Ивана Карамазова.

В этой главе будут проанализированы черти в художественном мире Достоевского.

Внутренний разлад в душе Ивана Карамазова усугубляется появлением чёрта, который олицетворяет собой больную совесть героя. Черт сеет сомнения, раздор. Раздор – важная категория в теории Достоевского о чертях, о том, что они поработят мир посредством раздора. При этом Достоевский не дает четкого определения, действительно ли перед нами выходец с того света или же галлюцинация героя, вызванная именно наличием у того «глубокой совести».

Д. Мартинсен пишет, что когда Достоевский создаёт сцены с чёртом, то вопрос о галлюцинации пересматривается писателем и превращается в вопрос о вере и этике. «Он берет традиционное для русской литературы эпистемическое сомнение и переносит его, а также своих читателей, в сферу этики и метафизики. Заставляя читателей, как и Ивана, пережить эпистемический кризис, Достоевский вынуждает нас задаваться вечными вопросами». [26]

Она предполагает, что Достоевский и сам во время эпилептических припадков видел галлюцинации, что потом проецировал на своих героев. Писатель и сам намекал на некоторый внутренний мистический опыт, переживаемый во время припадков, но галлюцинации ли это?

К выводу о том, что черт Ивана Карамазова — это всего лишь галлюцинация, приходят многие исследователи. Например, Е. М. Мелетинский в «Заметках о творчестве Достоевского», сравнивая черта и гетевского Мефистофеля, также подходит к тому, что черт — воплощение ума героя, его "тень". [27]

Мелетинский описывает то, что чёрт в изображении Достоевского противопоставляет себя Мефистофелю Гёте. «Мефистофель делает добро, желая зла, а он якобы с самого начала желает только добра. За этим, однако, стоит очень существенная мысль Достоевского, зафиксированная в черновых заметках: «Какая разница между демоном и человеком? Мефистофель у Гёте говорит на вопрос Фауста: "Кто он такой?" — "Я часть той части целого, которая хочет зла, а творит добро". Увы! человек мог бы отвечать, говоря о себе совершенно обратно: "Я часть той части целого, которая вечно хочет, жаждет, алчет добра, а в результате его деяний — одно лишь злое"» (XXIV, 287-288). [27] Мелетинский приходит к выводу, что карамазовский чёрт — вовсе не выходец с того света, а часть его души.

Так мы приходим к противоречию по поводу того, сталкивался ли Иван Карамазов с потусторонним. Сам Достоевский, можно сказать, уподобляясь своим же чертям, сеет сомнения в читателе, ибо как только Иван Карамазов решается верить в то, что перед ним настоящий черт, автор приводит художественные детали, тому противоречащие. И наоборот, когда герой думает, что видит галлюцинацию, черт предстает перед читателем более реальным.

Встреча Ивана Карамазова с чёртом является очень ярким фактом, когда герой непосредственно сталкивался с потусторонней сущностью, однако, у Достоевского есть также герои, которые характеризуются как демонические и инфернальные.

Одним из таких героев является Николай Ставрогин в романе «Бесы». В этом романе даже в само название вынесена отсылка к потустороннему мистическому.

Практически весь роман вращается вокруг разгадки тайны одного из главных героев, Николая Ставрогина. Он – главный бес. Вот что пишет об этом Николай Бердяев: «Мы встречаем Николая Ставрогина, когда нет у него уже никакой творческой духовной жизни. Он уже ни к чему не способен. Вся жизнь его в прошлом, Ставрогин – творческий, гениальный человек. Все последние и крайние идеи родились в нем: идея русского народа-богоносца, идея человекобога, идея социальной революции и человеческого муравейника. Великие идеи вышли из него, породили других людей, в других людей перешли. <...> От него идут все линии. Все живут тем, что было некогда внутренней жизнью Ставрогина». [3]

В личности Ставрогина, пожалуй, есть что-то демоническое, но можно ли назвать это мистикой? Скорее, в этой метафоричности есть некий отголосок мистического, невольно проводится параллель между сном Раскольникова на каторге и миром «Бесов». Только здесь люди одержимы не трихинами, а идеями Ставрогина, его «бесами».

Н.Бердяев пишет: «Трагедия "Бесов" есть трагедия одержания, беснования. В ней раскрывает Достоевский метафизическую истерию русского духа. Все одержимы, все беснуются, все в корчах и в судороге. Один Ставрогин не беснуется – он жутко спокоен, мертвенно холоден, он застыл, утих, умолк. В этом вся суть "Бесов": Ставрогин породил этот бушующий хаос, из себя выпустил всех бесов и в беснование вокруг себя перелил свою внутреннюю жизнь, сам же замер, потух <...>. От самого же Ставрогина осталась лишь мертвая маска. Эта маска бродит среди порожденного некогда живым лицом беснования». [3]

Тайна личности Ставрогина запечатлена даже и в его внешнем облике.

«Он был не очень разговорчив, изящен без изысканности, удивительно скромн и в то же время смел и самоуверен <...>. Поразило меня тоже его лицо: волосы его были что-то уж очень черны, светлые глаза его что-то уж очень спокойны и ясны, цвет лица что-то уж очень нежен и бел, румянец что-то уж слишком ярк и чист, зубы как жемчужины, губы как коралловые, --

казалось бы, писанный красавец, а в то же время как будто и отвратителен. Говорили, что лицо его напоминает маску; Впрочем, многое говорили, между прочим, и о чрезвычайной телесной его силе. <...> Он прожил у нас с полгода – вяло, тихо, довольно угрюмо <...>. Но прошло несколько месяцев, и вдруг зверь показал свои когти». [12;10;37]

Ставрогин, безусловно, содержит в себе черты демонические: противоречие во внешних чертах, угрюмость, но в то же время мёртвое спокойствие, многие его поступки поистине аморальны, но при всём этом, он чрезвычайно обаятельный.

Вяч. Иванов в своей статье рассуждает о том, кто такой Николай Ставрогин? Критик сравнивает его с Иваном-царевичем: «ему таинственно предложено было некое царственное помазание. <...> все, к нему приближающиеся, испытывают его необычайное, нечеловеческое обаяние. На него была излита благодать мистического постижения последних тайн о Душе народной и ее ожиданиях богоносца. Он посвящает Шатова и Кириллова в начальные мистерии русского мессианизма. Но сам, в какое-то решительное мгновение своего скрытого от нас и ужасного прошлого, изменяет даруемой ему святыне. Он дружится с сатанистами, беседует с Сатаной, явно ему предается. Отдает ему свое я, обещанное Христу, и оказывается опустошенным, – до предварения еще при жизни "смерти второй", до конечного уничтожения личности в живом теле». Николай Ставрогин, по мнению критика, совсем уже не имеет никакой человеческой души, а нечистым силам нужен лишь как сосуд. [16]

Однако критик тут же замечает и то, что и Сатане Ставрогин не служит, он абсолютно пуст и мёртв, что «измена Сатане не лишает его страдательной роли восприимчивого проводника и носителя сатанинской силы, которая овладевает вокруг него и через него стадом одержимых. Они – стадо, потому что изо всех них как бы вынута я: парализовано в них живое я и заменено чуждою волей». [16]

У Достоевского немалое количество персонажей, которых можно назвать одержимыми. Таким загадочным персонажем является Марья Тимофеевна Лебядкина в романе «Бесы». Да, она психически не здорова, однако, почему одержимость не может быть тому причиной? Рассматривая болезнь Марьи Лебядкиной, мы снова подходим к феномену Николая Ставрогина как главного беса романа.

Вот что пишет Л. Сараскина: «Симптомы нервной болезни Марьи Тимофеевны достаточно красноречивы; народный диагноз таких недугов, как правило, однозначен: "бес вселился" [70]». [36] Одержимость же Марьи Лебядкиной – это одержимость бесом Николая Ставрогина, так как же и одержимость других персонажей его идеями. Однако, у Хромоножки особое положение, в романе складывается ситуация, в которой, возможно, у героини был ребёнок от Николая Ставрогина – ребёнок беса.

Марья Тимофеевна утверждала, что у нее был ребенок, которого она убила. Но что за дитя жило во чреве юродивой предстоит выяснить. Могла ли эта умалишенная девушка иметь какие-то связи с мужчинами, и был ли этот ребенок реальным? Хромоножка утверждала, что не знает отца ребенка, мужа не знает. Тогда от каких сил она могла зачать его? На ум приходит разве что миф о Соломонии, который вспоминает и Л.Сараскина.

«Почему Хромоножке ребенок мерещится – понять можно: Марья Тимофеевна хоть и девица, но, как всякая женщина, мечтает быть матерью. <...> Что же заставляет ее оплакивать якобы родившееся дитя – неужели сознание, что оно от греховной связи: "родила я его, а мужа не знаю"? Но <...> что понуждает ее топить в пруду "некрещеного" новорожденного (оставляя его тем самым вне церкви)? Трудно представить себе такие культы, мистерии, мифы, на которых могло бы строиться убийство ребенка матерью: именно преклонение перед матерью – землей рождающей – не допускает возможности даже символического жертвоприношения. Марья Тимофеевна простодушно обнаруживает, сколь негармоничны ее помыслы, какое

отчаяние владеет ее душой; она терзается и плачет, как бы замаливая воображаемый грех, подобный тому, который совершала Соломония, предаваясь бесам и порождая бесов». [36]

Возможно, это всего лишь аллегория, и Сараскина не имеет в виду беса, как такового, здесь бес – Николай Ставрогин. Но вопрос – был ли ребенок – остается тайной в произведении. Была ли то нечистая сущность, вышедшая из женщины и ей же уничтоженная интуитивно, так как Марья Тимофеевна своей богобоязненной душой чувствовала нечистое – тоже остаётся гипотезой.

Еще один персонаж, который будет рассмотрен – Лиза Хохлакова из романа «Братья Карамазовы». Лиза Хохлакова предстаёт в романе весьма загадочной фигурой, она словно немного не в себе, ее посещают странные сны и мысли, странные фантазии, ее нельзя назвать нормальной, но она и не сумасшедшая. Некоторые исследователи приходят к выводу о её одержимости, на что в романе дается несколько указаний: во-первых, сама глава, посвященная ей, называется «Бесёнок», во-вторых, некоторые эпизоды совершенно прямо указывают на ее причастность к чертям (например, сны). Сараскина пишет: «Ее испорченность, изломанность квалифицируется Достоевским однозначно — как бесноватость» [36]

История о мучении четырехлетнего мальчика, которую обсуждает Лиза с Алешей Карамазовым не оставляет сомнений в читателе, что это женщина одержима. В ее словах звучит довольство, наслаждение этой историей.

«Я иногда думаю, что это я сама распяла. Он висит и стонет, а я сяду подле него и буду ананасный компот есть. Я очень люблю ананасный компот». [12;15;24]

Одержимость напрямую просматривается в бесчеловечном получении наслаждения от «хлеба и зрелищ». Бесноватость Лизы наталкивает на мысли о том, что для Достоевского всё-таки это представлялось возможным, а отсюда можно судить и о том, что вполне вероятно, что и Марья Лебядкина

могла быть реально одержима, но избавлена от беса в себе, которого она приняла за ребенка.

Однако Лиза не сталкивается с бесами непосредственно, как это было, например, с Иваном Карамазовым, но она видит их во сне. Мистическое опять же становится ускользающим.

Сон Лизы интересно будет нам рассмотреть подробнее, как прикосновение к потустороннему, столкновение с нечистью.

«Я вам один мой смешной сон расскажу: мне иногда во сне снятся черти, будто ночь, я в моей комнате со свечкой, и вдруг везде черти, во всех углах, и под столом, и двери отворяют, а их там за дверями толпа, и им хочется войти и меня схватить. И уж подходят, уж хватают. А я вдруг перекрещусь, и они все назад, боятся, только не уходят совсем, а у дверей стоят и по углам, ждут. И вдруг мне ужасно захочется вслух начать Бога бранить, вот и начну бранить, а они-то вдруг опять толпой ко мне, так и обрадуются, вот уж и хватают меня опять, а я вдруг опять перекрещусь – а они все назад. Ужасно весело, дух замирает». [12;15;23]

Необходимо заметить, что для Лизы это именно «смешной сон», она играет с чертями, для неё в этом нет ничего предосудительного или страшного. Это подтверждает теорию об одержимости.

В данном отрывке, с одной стороны, совершенно прозрачно видна концепция Достоевского о дуальной природе сакрального мира: противопоставление – Бог и черти. С другой стороны, о вере или же неверии самого писателя в чертей мы узнаём из его «Дневника писателя». Так как Достоевский подвергает сомнению свою собственную теорию о спиритизме и чертях и заявляет, что сам до конца в чертей поверить не может, мы вправе предположить, что именно с этой целью он и вводит этих нечистых существ в роман именно через сон.

Глава III. Мир духов

В романах Достоевского героям нередко являются души покойных. Это призраки, являющиеся Свидригайлову и Ставрогину, мать Мити Карамазова, умерший старец Зосима, которого видит во сне Алёша Карамазов. Достоевский и сам придавал некоторое значение тому, что видел покойных родственников во снах. В «Дневнике писателя» он писал: «Мой брат, например, умер пять лет назад. Я иногда вижу его во сне: он принимает участие в моих делах, мы очень заинтересованы, а между тем я ведь вполне, во всё продолжение сна, знаю и помню, что брат мой помер и схоронен. Как же я не дивлюсь тому, что он хоть и мёртвый, а всё-таки тут подле меня и со мной хлопчет?» [12;25;108-109] Показательный отрывок для того, чтобы можно было предполагать, что Достоевский был заинтересован существованием мира духов. «Когда я вижу во сне моего покойного брата Мишу, а особенно, когда мне снится отец, – писал Достоевский, – я знаю, что мне грозит беда». [12;29;536] Отсюда можно предполагать, что сам Достоевский, возможно, верил в то, что покойные родственники могут передавать какие-либо послания с того света. Таким образом, логично сделать вывод, что и свои произведения писатель наполнял образами и видениями, сталкивал героев с душами давно умерших людей.

В гостинице перед самоубийством Свидригайлов видит три сна. Но сны ли это? Как пишет Ю. Карякин: ««вход» в эти сны и «выход» из них почти стерты, и трудно, подчас невозможно (третий сон), определить, когда Свидригайлов забывается, а когда — приходит в себя. Так и должно быть, потому что грань бытия и небытия для него давно уже стерта. Эта грань — как колеблющееся пламя свечи, которую Свидригайлов то зажигает, то гасит, и непонятно, когда он в самом деле ее зажигает и гасит, а когда это ему лишь мерещится...» [20]

Состояние Свидригайлова определяется где-то на границе между сном и явью, в состоянии, когда человек способен пересекать границу между

мирами. Для героев Достоевского вообще характерно такое состояние. Миресашвили пишет: «Сны, как считал Ф.М. Достоевский, «второе зрение» человека, непосредственно связанное с его первым зрением. Сны для Ф.М. Достоевского, так же как и для его героев, часто не имеют четких границ с действительностью». [29]

Следует подробнее рассмотреть эти сны-видения.

В первом сне Свилригайлов видит мышей. Многие сонники трактуют приснившуюся мышь так, что если мышь попадает за пазуху – не миновать беды. В первом сне мышь являлась предвестником несчастья.

Первый и второй сны Свидригайлова еще можно трактовать, как сны. Здесь видна проснувшаяся в подсознании героя совесть. Однако следующее видение, является именно видением или призраком, так как «вход в сон» совершенно отсутствует. Герой, бодрствуя, встречает ребёнка.

«Он долго ходил по всему длинному и узкому коридору, не находя никого, и хотел уже громко кликнуть, как вдруг в темном углу, между старым шкафом и дверью, разглядел какой-то странный предмет, что-то будто бы живое. Он нагнулся со свечой и увидел ребенка -- девочку лет пяти, не более, в измокшем, как поломойная тряпка, платьишке, дрожавшую и плакавшую. Она как будто и не испугалась Свидригайлова, но смотрела на него с тупым удивлением своими большими черными глазенками и изредка всхлипывала. <...> Личико девочки было бледное и изнуренное; она окостенела от холода». [12;6;392]

Возможно, что совесть героя, совершенно забитая в глубинах подсознания, всё же пробивалась наружу, и этот ребёнок лишь плод воображения Свидригайлова и его больной совести. В данной ситуации Аркадий Иванович уже испытывает неподдельный страх перед этой девочкой. Но почему бы взрослый мужчина испытывал страх перед ребёнком, если это не призрак?

«... ее губки раздвигаются в улыбку, кончики губок вздрагивают, как бы еще сдерживаясь. Но вот уже она совсем перестала сдерживаться; это уже смех, явный смех; что-то нахальное, вызывающее светится в этом не детском лице; это разврат, это лицо камелии, нахальное лицо продажной камелии из француженок. Вот уже совсем не таясь, открываются оба глаза: они обводят его огненным и бесстыдным взглядом, они зовут его, смеются...». [12;6;393]

По-другому на эту ситуацию можно посмотреть в виду того, что все эти видения происходили перед смертью героя. То есть Свидригайлов находился уже на грани жизни и смерти. Если можно так сказать, в переходном пространстве. Не могли ли призраки из потустороннего мира являться к нему, как к потенциальному покойнику?

То, что Свидригайлов сталкивается с чем-то мистическим и необъяснимым доказывают факты и других его встреч с призраками. К тому же, сам герой называет себя мистиком.

«Сознаюсь в непростительной слабости, но что делать: боюсь смерти и не люблю, когда говорят о ней. Знаете ли, что я мистик отчасти?

-- А! призраки Марфы Петровны! Что ж, приходить продолжают?

-- Ну их, не поминайте; в Петербурге еще не было; да и черт с ними! -- вскричал он с каким-то раздражительным видом». [12;6;362]

Вопросы о жизни и смерти интересовали самого Ф.М.Достоевского, и он пытался в своих произведениях осмыслить это через своих героев. Так, например, Свидригайлов, человек, который одной ногой находится уже за чертой действительности, в потустороннем мире, о чем свидетельствует его пограничное состояние между сном и явью, встречи с призраками и проч. весьма нестандартно описывает представляющийся ему загробный мир. И.И. Евлампиев в своей работе «Прогулка по кладбищу (проблема посмертного существования в творчестве Достоевского)», рассуждая об этом, говорит, что Свидригайлов ведь видит смерть постепенным переходом из мира живых в мир мёртвых. «Смерть – это переход из одного "мира" в другой, – пишет Евлампиев, – существующий по совершенно иным законам. Интересно, что

сам этот "переход" Свидригайлов мыслит как постепенный, уже в болезни человек начинает свое движение к другому бытию, уже как бы частично причастен посмертному миру и поэтому способен видеть людей, пребывающих в нем (т. е. видеть умерших людей); это и есть призраки». [24]

То, что Свидригайлов действительно видит призраков, мы узнаём также из его бесед с Раскольниковым.

«А кстати, верите вы в привидения?

-- В какие привидения?

-- В обыкновенные привидения, в какие!

-- А вы верите?

-- Да, пожалуй, и нет, *pour vous plaire*... То есть не то что нет...

-- Являются, что ли?

Свидригайлов как-то странно посмотрел на него.

-- Марфа Петровна посещать изволит, -- проговорил он, скривя рот в какую-то странную улыбку.

-- Как это посещать изволит?

-- Да уж три раза приходила. Впервой я ее увидел в самый день похорон, час спустя после кладбища. Это было накануне моего отъезда сюда. Второй раз третьего дня, в дороге, на рассвете, на станции Малой Вишере; а в третий раз, два часа тому назад, на квартире, где я стою, в комнате; я был один.

-- Наяву?

-- Совершенно. Все три раза наяву. Придет, поговорит с минутой и уйдет в дверь; всегда в дверь. Даже как будто слышно». [12;6;218-219]

Достоевский намеренно подчеркивает тот момент, что для Свидригайлова привидения – это *обыкновенно*. То есть видеть призраков для него – уже обычное явление, уже стало нормой. Возможно, герой видит покойников уже давно, или же, каким-то образом, и раньше не сомневался в их существовании.

Герой утверждает, при этом подчёркивая тот факт, что покойница уходит *всегда в дверь*, а дверь традиционно – пограничное пространство, связанное с переходом из «своего» мира в «чужой».

Таким образом, герой, вероятно и мыслит себя находящимся в переходной стадии от жизни к смерти.

К тому же, теория Свидригайлова о загробной жизни носит весьма пессимистический тон. Герой пророчит себе собственный ад.

«Нам вот все представляется вечность как идея, которую понять нельзя, что-то огромное, огромное! Да почему же непременно огромное? И вдруг, вместо всего этого, представьте себе, будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптёлая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность. *Мне, знаете, в этом роде иногда мерещится*». [12;6;221]

Любопытно, что герой употребляет именно слово *мерещится*, словно это не его собственные фантазии и догадки, а опять же некая приоткрывшаяся завеса, где Свидригайлов видит свою участь после смерти. Впрочем, этот вопрос остаётся спорным. Автор не даёт читателю убедиться в том, был ли прав Свидригайлов.

Глава IV. Мистическое как божественное. Связь человека с Богом

Многие исследователи находят определенное сходство модели мистического у Достоевского и В. Джемса.

В. Джемс в своих лекциях рассуждает о таком мистическом опыте человеческой души, как чувство присутствия Бога. В.Джемс приводит многочисленные примеры различных людей, которые сталкивались с таким явлением и описывали своё состояние весьма схоже. Он пишет: «есть, по-видимому, в сознании человека *чувство реальности*, восприятие *объективного бытия*, представление о том, что *существует нечто*. <...> Поскольку религиозные представления способны пробудить в нас это чувство реального, мы верим в них вопреки здравому смыслу, даже в том случае, если они настолько смутны, что не могут стать образами нашего воображения». [11]

Многие герои Достоевского тоже испытывали подобный опыт посредством снов, галлюцинаций или же ощущением этих божественных энергий. В.Джеймс описывал такое состояние, также связывая его со свойственным человеку изначально чувством объективного бытия и существования чего-то запредельного. «Нередко случается, что "галлюцинация" не достигает полного развития: человек внезапно ощущает рядом с собой чье-то "присутствие", занимающее определенное место в пространстве, существующее в особой неуловимой форме, реальное самой интенсивной реальностью, хотя и невидимое, неслышимое, неосязаемое, недоступное ни одному из органов чувств». [11]

Это реальное чувство присутствия Бога для самого Достоевского не имеет под собой, однако, ничего мистического. Будучи глубоко верующим христианином, Достоевский был убежден в том, что это реальное. В одном из писем он писал: «И, однако же, бог посылает мне иногда минуты, в которые я абсолютно спокоен; в эти минуты я люблю и нахожу, что другими любим,

и в такие-то минуты я сложил себе символ веры, где для меня всё ясно и свято». [12;28;176]

Беря во внимание то, что для самого писателя божественное – это реальное, можно заметить, что он переносит это реальное чувство и на своих героев. У героев Достоевского путь к Богу всегда иррационален, они опираются на внутреннее, интуитивное чувствование, но не на разум. Потому и можно говорить о мистическом, о некоем чувстве, понимании добра и любви, которое движется в душах героев, независимого от их рассудочной деятельности. Зосима в этом ключе отвечает на вопрос Хохлаковой, как достигнуть веры в Бога и бессмертия души:

«Доказать тут нельзя ничего, убедиться же возможно.

– Как? Чем?

— Опытom деятельной любви. Постарайтесь любить ваших ближних деятельно и неустанно. По мере того, как будете преуспевать в любви, будете убеждаться и в бытии Бога, и в бессмертии души вашей. Если же дойдете до полного самоотвержения в любви к ближнему, тогда уж, несомненно, уверуете и никакое сомнение даже и не возмoжет зайти в вашу душу». [12;14;52]

В подтверждение вышесказанному, Н.О. Лосский в книге «Достоевский и его христианское мировоззрение» пишет, что «глубокая вера в Бога есть высшая форма знания о Боге, обладание абсолютно достоверным доказательством бытия Его, именно живым опытом, свидетельствующим, что Бог есть». [25;84] И приводит в пример Вл. Соловьева, который в свою очередь, характеризует знание о существовании Бога, как «религиозное состояние сводится окончательно к радостному *ощущению*, что *есть* существо бесконечно лучшее, чем мы сами, и что наша жизнь и судьба, как и все существующее, зависит именно от него, – не от чего-то бессмысленно-рокового, а от действительного и совершенного Добра – *единого, заключающего в себе все*». [38]

Старец Зосима также наделен некой чудотворной способностью, способностью исцелять через силу любви. Так он исцеляет в романе Лизу Хохлакову от хромоты, и изгоняет из нее беса.

А.Г. Григорьев, в диссертации на тему: "Творчество Ф.М. Достоевского и древнерусская мистико-аскетическая традиция: Феодосий Печерский, Сергей Радонежский, Нил Сорский", пишет следующее: «В соответствии с пониманием мировоззрения Достоевского как христианского, мы выделяем в понимании писателем мистического опыта два различных аспекта, которые на уровне художественного творчества предстают как две мистические темы. Первая — это непосредственное осознание Бога человеком. Вторая — распознавание божественных энергий в окружающем мире». [6]

Переход первого во второе можно увидеть в образе Алеши Карамазова:

«Этот юноша, Алёша, был вовсе не фанатик, и, по-моему, по крайней мере, даже и не мистик вовсе. Заранее скажу мое полное мнение: был он просто ранний человеколюбец, и если ударился на монастырскую дорогу, то потому только, что в то время она одна поразила его и представила ему, так сказать, идеал исхода рвавшейся из мрака мирской злобы к свету любви души его». [12;14;17] А в набросках к роману Достоевский писал о нем, что он «уверовал как реалист. Такой, коли раз уверует, то уверует совсем, бесповоротно. <...> Этого же не только не смутит чуда, но он захочет чуда. Он понял, что знание и вера – разное и противоположное, <...> что если есть другие миры и если правда, что человек бессмертен, то есть и сам из других миров, то, стало быть, всё есть связь с другими мирами. Есть и чудо. И он жаждал чуда». [12;15;201]

Для Алёши Карамазова также это уже не мистическое – это реальное. Любовь воплощается в деятельности. Алёша Карамазов словно продолжает линию Мышкина, где князю более свойственна любовь-жалость, любовь-сострадание, но если князь Мышкин большую часть жизни был оторван от мира, по причине своей болезни, и он чужд миру, он – другой, то Алёша –

здоровый человек, и его божественная любовь находит реальное воплощение.

Кардинальную перемену, произошедшую в Маркеле, брате Зосимы, вызванную именно тем чувством присутствия бога, необходимо также рассмотреть в данной работе. Маркел – абсолютный атеист в прошлом, по настоянию матери начинает ходить в церковь и причащаться после того, как узнаёт о смертельной болезни, и переживает тот самый мистический опыт, о котором говорят многие исследователи. Например, С.Н. Булгаков описывал то, что «мистикой называется внутренний (мистический) опыт, который дает нам соприкосновение с духовным, Божественным миром, а также и внутреннее (а не внешнее только) постижение нашего природного мира». [5] Что мы и наблюдаем на примере Маркела. «Изменился он весь душевно – такая дивная вдруг в нём началась перемена! <...> И дивились все словам его, так он это странно и так решительно всё говорил; умилялись и плакали. <...> Так он вставал со сна, каждый день все больше и больше умиляясь и радуясь, и весь трепеща любовью». [12;14;262-263] Апогеем же его мистического чувства стал разговор с птичками; так он, любуясь всеми и всем, прося прощения у всего живого, заводит разговор у окна с птичками. «Птички божие, птички радостные, простите и вы меня, потому что и пред вами я согрешил". Этого уж никто тогда не мог понять, а он от радости плачет: "да, говорит, была такая божия слава кругом меня: птички, деревья, луга, небеса, один я жил в позоре, один все обесчестил, а красы и славы не заметил вовсе"». [12;14;263] Мистическое чувство восторга у героя распространялось совершенно на всё вокруг; после прочтения этого эпизода, сомнений не остаётся, что герой испытал эту связь с богом, прикосновение к божественному миру, к чистой любви, о которой говорил Достоевский. В таком состоянии герой находился абсолютно счастливым и умиротворённым вплоть до самой своей смерти. «Скончался же на третьей недели после Пасхи, в памяти, и хотя и говорить уже перестал, но не изменился до самого последнего своего часа: смотрит радостно, в очах веселье, взглядами нас

ищет, улыбается нам, нас зовет». [12;14;263] Пребывая в этом чувстве, Маркел не испытывал страха перед предстоящей кончиной, только радость от воссоединения с Богом.

Подводя итог можно сказать, что мистическое у Достоевского в основе понимания самой реальности, а значит и природы реализма, художественных средств для изучения действительности. Неслучайно Н. Бердяев писал о «мистическом реализме» Достоевского.

Глава V. Сновидения как прикосновения к мистическому миру

Тема сновидений частично уже была рассмотрена в предыдущих главах по причине того, что она довольно обширна и включает в себя различные проявления мистического: во снах герои сталкиваются с потусторонними сущностями и духами умерших, сны у героев Достоевского часто бывают вещими и пророческими.

С. Лихачев в своей статье пишет о том, что сны Достоевский вводит в свои произведения «как возможность образного воплощения реалий иного мира». Просматривая сюжеты романов, мы можем заметить, что событие может сниться одному герою, а происходить с другим. Например, Раскольникову снится сон о забитой лошади, а Катерина Ивановна перед смертью восклицает: «Уездили клячу!...» [12;6;334]. Или Версиков разбивает икону, а старец со сломанной иконой и пророческими словами снится не ему, а старому князю. Так Лихачев задается вопросом, «зачем писателю нужен такой сюжетный мистицизм?» [24]

Он выделяет несколько блоков, или лучше сказать, создает некую классификацию снов в романах. К теме «прозрения» относятся такие сны, как, например:

- сон Раскольникова на каторге («Преступление и наказание»),
- сон Алёши Карамазова о Кане Галилейской («Братья Карамазовы»);

Также у него выделяется такая категория, как пророческие сны, к которым он относит:

- сны Мышкина («Идиот»),
- сны Лебядкиной («Бесы»),
- сны Шатова («Бесы»),
- сны Степана Трофимовича Верховенского («Бесы»). [24]

Также у снов есть еще одна дополнительная функция – выражение совести героев. В книге «Самообман Раскольникова» Ю.Карякин пишет, что «сны у Достоевского – это обнаженная совесть, не заговоренная никакими

успокоительными, славными словечками». [20] И с одной стороны, это так и есть. Так, например, во втором предсмертном сне Свидригайлова явственно чувствуется, что совесть героя всё же имеет место быть в этом человеке, и даже если в состоянии бодрствования герой не страдает от этого, то во сне глубинная совесть дает о себе знать.

«Троицын день. <...>, везде были цветы. <...>, а посреди залы, на покрытых белыми атласными пеленами столах, стоял гроб. <...> Вся в цветах лежала в нем девочка, в белом тюлевом платье, со сложенными и прижатыми на груди, точно выточенными из мрамора, руками. Но распущенные волосы ее, волосы светлой блондинки, были мокры; венчик из роз обвивал ее голову. Строгий и уже окостенелый профиль ее лица был тоже как бы выточен из мрамора, но улыбка на бледных губах ее была полна какой-то недетской, беспредельной скорби и великой жалобы. Свидригайлов знал эту девочку; ни образа, ни зажженных свечей не было у этого гроба и не слышно было молитв. Эта девочка была самоубийца – утопленница». [12;6;391]

Известно, что девочка была жертвой гнусных действий Свидригайлова относительно её чести, отчего она и совершила самоубийство. Если в реальной жизни герой был способен на такие поступки, то во сне всё же есть высший закон – совесть. В черновиках к роману Достоевский пишет: «Али есть закон природы, которого не знаем мы и который кричит в нас. Сон». [12;7;137]

Р.Г. Назиров пишет, что «понимание сновидений и подсознания у Достоевского противоречит теориям Фрейда <...> По Фрейду, личностью тиранически правит совесть, «сверх-Я», вытесняя аморальные и опасные импульсы в подсознание; <...> Наоборот, по Достоевскому, аморален скорее разум, слуга низких и опасных желаний, а в подсознании человека живет стихийная любовь ко всему живому, тяга к другим людям. Достоевский не говорит, что человек по природе добр, но считает, что человек по природе этичен и даже в угаре преступления подсознательно помнит о преступности данного акта, переживает чувство вины и бессознательно стремится к

наказанию». [31;139] Что мы и видим непосредственно в романе «Преступление и наказание» в случае с Раскольниковым, со Свидригайловым, а также и в других романах.

Психологическая сторона сновидческого выступает в качестве «земной», «природной» стороны в характерной для Достоевского двойной мотивировке изображения мистического. Такую двойную мотивировку Достоевский разъясняет в известном анализе «Пиковой дамы» Пушкина, который он даёт в письме к Ю.Ф. Абазе (1880): «Фантастическое должно до того соприкасаться с реальным, что Вы должны почти поверить ему. Пушкин, давший нам почти все формы искусства, написал «Пиковую даму» – верх искусства фантастического. И вы верите, что Германн действительно имел видение, и именно сообразное с его мировоззрением, а между тем в конце повести, то есть прочтя ее, Вы не знаете, как решить: вышло ли это видение из природы Германна или действительно он один из тех, которые соприкоснулись с другим миром, злых и враждебных человечеству духов. (NB. Спиритизм и учения его.) [12;30(I);192]

Достоевский, восхищаясь мастерством Пушкина, в этом смысле даёт нам ключ к толкованию мистического в искусстве. А.А.Казаков пишет, что стоит обратить внимание на это упоминание спиритизма в скобках: «идёт речь именно о правилах освоения духовного в специальном смысле слова, потустороннего. По мнению Достоевского, совмещение фантастики и реализма предполагает двойную перспективу, двойное объяснение событий. На примере повести Пушкина «Пиковая дама» фантастические элементы могут быть объяснены и собственно мистически: существует мир призраков, есть загробное воздаяние и т.д. А могут быть истолкованы и из недалёкого, приземлённо реалистического контекста <...> [17;96]

Изображение сновидений необходимо писателю как способ раскрытия психологизма героев, средство, чтобы показать их внутренние переживания и противоречия. Но зачастую сновидения выходят за рамки простой

психологии и являются чем-то вроде влияния высших миров, некими прозрениями для персонажей романов.

Возвращаясь к сну Лизы Хохлаковой, который был рассмотрен во второй главе данного исследования, исходя из вышесказанного, мы снова убеждаемся в том, что природа мистического у Достоевского – миражна; да, чертей героиня видит всего лишь во сне, но, в виду ее одержимости, мы смеем предположить, что нечистые сущности воздействовали на нее именно через сон, как через тонкий мир.

Так как Достоевский и сам видел вещие сны и видения, то проецировал на героев свои душевные переживания, наделял свои произведения различными внефабульными элементами, такими как, сны, предчувствия, болезни, что напрямую отражалось на будущем персонажей.

И раз другие миры в мире Достоевского существуют, значит вполне вероятно соприкосновения с этими иными реальностями, о чем и свидетельствуют пророческие и прозренческие сновидения героев.

Сон Алёши Карамазова интересно рассмотреть в данном исследовании с двух сторон: с одной стороны – во сне он видит умершего старца Зосиму, что отсылает нас к главе о мире духов, с другой стороны – ему является сам Бог – Христос, и героя переполняет то самое мистическое чувство, о котором говорилось в IV главе. Но что этот сон содержит в себе некую мистическую подоплеку – не возникает сомнений, хотя бы исходя из того, что Достоевский сам никогда не оставлял свои сны без внимания.

Р. Лаут в книге «Философия Достоевского в систематическом изложении» душу и чувства человека рассматривает как центральные понятия метафизики Ф.М. Достоевского: «Рассудочное знание, считал писатель, может, но не должно превращаться в чувства. Когда логическое умозаключение вызывает сильное чувство, это последнее захватывает все проявления жизни, и именно в этой связи душа переживает в полной мере собственное только ей настроение, и только тогда возникает иррациональная, алогичная связь между мыслью и опытом, переживаемыми

чувствами и многими другими моментами бессознательного, указывающая на какие-то иные реальности». [11]

Алёша Карамазов засыпает под звуки читаемой отцом Паисием проповеди о Кане Галилейской. И постепенно из реального пространства попадает в пространство сна. «Но что это, что это? Почему раздвигается комната... Ах да... ведь это брак, свадьба... да, конечно. Вот и гости, вот и молодые сидят, и веселая толпа и... где же премудрый архитриклин? Но кто это? Кто? Опять раздвинулась комната... Кто встает там из-за большого стола? Как... И он здесь? Да ведь он во гробе... Но он и здесь... встал, увидел меня, идет сюда... Господи!...» [12;14;327]

И, как принято у Достоевского, границы между сном и реальностью практически незаметны. Герой словно постепенно окунается в параллельный мир, мир духов, или, точнее было бы сказать, мир духовный, где и видит умершего Зосиму и Иисуса Христа.

Как и прозренческое, пророческое начало у героев Достоевского всегда бессознательно. Сновидения, предчувствия или другие чувства имеют место быть отдельно от рассудка. И только после того, как герою доведется что-то прочувствовать — он осмысляет это разумом. То есть душа героя раньше приходит к верным выводам, прозрениям, так как имеет возможность прикосновения к другим мирам, в отличие от мозга. «Писатель часто торопится подчеркнуть в картине сна такую мысль, которую сам герой еще не осознал». [29]

Юрий Карякин пишет, что «Раскольников тоже «страшно много – не знал, а предчувствовал». [20] Так, например, во сне главного героя романа о лошади герой погружается в воспоминания детства, но сон принимает чудовищные очертания, так как в воспаленном сознании героя так воспринимается реальность, которая в болезненном состоянии становится более выпуклой, со слов самого автора. [12;6;45] Лошадь забивают насмерть, и, прожив во сне сцену убийства, Раскольников, осознавая своё бессилие перед системой, продолжает задумываться о «право имеющих» и о «тварях

дрожащих». То есть сон о лошади являлся, можно сказать, преддверием к предстоящему убийству. Возможно, предупреждением, попыткой вернуть герою ощущения того сострадания к живому путём погружения его в детство, в детские ощущения. А, может, глубоко в подсознании герой был уже уверен в том, что убьёт, «не знал, а предчувствовал». З.Фрейд же говорил, что «приходится сознаваться тогда, что в сновидении человек знал и вспомнил нечто, чего не помнил в бодрственном состоянии». [39]

Также следует обратить внимание на сны-пророчества в романах – это сон Раскольникова на каторге и сон Версилова о золотом веке.

Раскольникову на каторге «грезилось в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве <...>. Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные...». [12;6;419]

Сон-аллегория, пророчествующий о заражении идеями атеизма, о том, что и творится в мире, герой словно осмотрел себя и весь мир с высоты птичьего полёта. Для героя же этот сон служит очищением, обнаружением этих идей злобы и эгоизма, и, соответственно, избавление от них.

Версилов во сне о золотом веке видит утопию мира, посредством этого сна он приходит к идее о «всечеловеческой любви». Этот сон был словно неким веянием свыше, что помогло герою смирить внутри душевный разлад и обрести истинное понимание простых, для Достоевского, вещей.

Таким образом, и в том, и в другом сне пророческое начало служит, в первую очередь, средством очищения для героя, обретения им идей, которые являются истиной для Достоевского-писателя. То есть к идеям о Боге, христианстве и Любви.

Рассматривая сны в данной работе, как отдельный аспект мистического, мы руководствуемся тем, что природа снов до сих пор не

изучена в полной мере, и на этот счет существует множество, порой противоречащих друг другу теорий. Вполне возможно, что во время сна на человека воздействуют иные измерения или это прикосновения разума к коллективному бессознательному. А.Г.Дугин пишет, что «бессознательное по Юнгу не противостоит рассудку, оно охватывает, обнимает его, оно интегрирует этот рассудок в себя как свой частный случай». [13] Хотя многие сны героев сложно определить в рамки разума.

Глава VI. Прозрение и пророчество в романах

Тема прозрения и пророческого дара находится в особом положении. Пророческое скрыто в самом человеке, и в этом смысле коррелирует с мистическим, скрытым в структуре окружающего мира. Вопрос о вере в пророческие способности человека соотносим с вопросом о вере в наличие мистического в реальности.

В одной из глав «Дневника писателя», Достоевский цитирует латинский текст из мистической книги XVI века и параллельно снабжает его русским переводом. Главка эта называется «Из книги предсказаний Иоанна Лихтенбергера, 1528 года». Достоевский подмечает, что в этих предсказаниях очень много встречается похожего на правду. Однако писатель пишет, что «серьезно говорить обо всем этом трудно; все это лишь мистическая аллегория, хотя бы и похожая несколько на правду. И мало ли бывает совпадений? <...> Если я сообщил эту латинскую выписку из старой книги (несомненно существующей, — повторяю это), то единственно как занимательный факт. Не как чудо, да и не одни лишь чудеса чудесны. Всего чудеснее бывает весьма часто то, что происходит в действительности». [12;25;125]

Данный отрывок, казалось бы, даёт существенную подсказку для толкования тех пророчеств, или, точнее было бы сказать, значения наделения даром пророчества своих персонажей Достоевским, но в итоге вопрос о возможности пророческого дара становится всё более спорным. Вопрос, который нас интересует, звучит у Достоевского так: «существует ли в человеке способность пророческая?» [12;25;261-262] Писатель поясняет «говоря так, я предполагаю лишь естественную способность, заключающуюся в организме человека (или даже нации), но, разумеется, исключая из вопроса моего совершенно дар пророчества, о котором говорит священное писание. Та тема особенная и к настоящему вопросу не подходящая». [12;25;262]

Достоевский также сетует на то, что наука еще не занималась изучением пророческой способности в человеке, хотя многие (даже глубоко образованные люди) уверены в существовании этого факта, как такового. Способность предчувствовать давно была замечена людьми. «Правда, никто не умеет ничего сказать точного, и все только разводят руками перед фактом». [12;25;262]

Замечание, которое сделал Достоевский по поводу пророческого дара, казалось бы, нивелирует факт связи пророчества с какой бы то ни было мистикой. И.Л.Волгин пишет, что «говоря о "даре пророчества", писатель совершенно недвусмысленно ставит вопрос на естественнонаучную основу и рассматривает его целиком и полностью в границах реально познаваемой действительности». [7]

Однако же, Достоевский наделяет своих героев даром пророчества и предвидения. Взять даже Маркела, брата Зосимы в романе «Братья Карамазовы», когда он совершенно бесстрастно пророчески бросает: «Не жилец я на свете меж вами, может, и года не проживу». [12;14;261] Через год герой умирает от чахотки.

Подробнее следует рассмотреть юродивую Хромоножку в романе «Бесы». Марья Тимофеевна Лебядкина представляет собой вариант подостоевсовски безумного персонажа. С одной стороны, можно сказать, что в самом факте сумасшествия есть нечто опровергающее мистику, то есть объясняющее те или иные отклонения человека от реальности наукой. У героев Достоевского же сумасшествие, юродивость или инаковость носят другой характер. Здесь нельзя всё объяснить клинически. Героев посещают пророческие видения, прозрения, что в последствие раскрывается в романе так, что юродивый герой оказывался прав.

Так, например, когда Хромоножка не признает Ставрогина, называя его то Гришкой Отрепьевым, то еще разными наименованиями, которые в своей сути являются очень точно отражающими натуру Николая Ставрогина. Для мира, казалось бы, Марья Тимофеевна – безумна, но её слова содержат в себе

с тонкостью опытного психолога подмеченные черты героя, его демоническую противоречивую натуру.

Если рассмотреть Николая Ставрогина в сравнении с Гришкой Отрепьевым, как называла его Марья Лебядкина, можно провести некоторую параллель: Гришка Отрепьев – самозванец, который выдавал себя за царевича Дмитрия, так же Ставрогин – демон, выдающий себя за человека. И именно с царевичем сравнивает Ставрогина и Вяч.Иванов. [16] Как и у Гришки Отрепьева, у Ставрогина были последователи, те, кто в него верили и буквально жили его идеями. Действительно ли Марья Тимофеевна по причине своего безумия видела в Ставригине Отрепьева, или пыталась посредством некоторой аллегории показать реальную сущность этого человека, то, что видела только она.

Конечно, нельзя наверняка утверждать, что Хромоножка обладала столь прозорливой натурой лишь исходя из этого сравнения. Однако, следует рассмотреть момент, когда она удивительным образом замечает нож в кармане Ставрогина.

«У, идиотка! - проскрежетал Николай Всеволодович, все еще крепко держа ее за руку.

- Прочь, самозванец! - повелительно вскричала она. - Я моего князя жена, не боюсь твоего ножа!

- Ножа!

- Да, ножа! у тебя нож в кармане. Ты думал, я спала, а я видела: ты как вошел давеча, нож вынимал!

- Что ты сказала, несчастная, какие сны тебе снятся! - возопил он и изо всей силы оттолкнул ее от себя, так что она даже больно ударилась плечами и головой о диван. Он бросился бежать; но она тотчас же вскочила за ним, хромая и прискакивая, вдогонку, и уже с крыльца, удерживаемая изо всех сил перепугавшимся Лебядкиным, успела ему еще прокричать, с визгом и с хохотом, вослед в темноту:

- Гришка От-реп-ев а-на-фе-ма!» [12;10;219]

То есть, как бы ни хотелось списать всё на помутненный разум Марьи Тимофеевны, а всё же ее прозорливость заставляет читателя поверить в то, что она наделена неким даром. Таким образом, образ Хромоножки – это образ юродивой женщины, не лишенной дара пророчества, ставит ее в один ряд с другими юродивыми персонажами романов Достоевского, которые часто также наделены даром предвидения.

Так, например, имеет место быть пророчество князя Мышкина про нож, которым впоследствии была убита Наталья Федоровна.

«Вот я давеча сказал, что для меня чудная задача: почему она идет за тебя?<...>. Ты мнителен и ревнив, потому и преувеличил всё, что заметил дурного. Уж конечно, она не так дурно думает о тебе, как ты говоришь. Ведь иначе значило бы, что она сознательно в воду или под нож идет, за тебя выходя. Разве может быть это? Кто сознательно в воду или под нож идет?» [12;8;179]

В данном отрывке князь Мышкин словно предвидел, что Настасья Филипповна идет именно «под нож». В некоторых моментах читатель может заметить в Мышкине такую особенность, словно мысли его текут сами по себе, или лучше сказать, словно кто-то или что-то ему эту информацию нашептывает. Часто князь сам пугается того, откуда у него те или иные мысли. Так, можно наблюдать даже о некоторой борьбе героя с собственными прозрениями. Например, рассмотрим эпизод в Летнем саду.

«Впрочем, если Рогожин убьет, то по крайней мере не так беспорядочно убьет. Хаоса этого не будет. По рисунку заказанный инструмент и шесть человек, положенных совершенно в бреду! Разве у Рогожина по рисунку заказанный инструмент... у него... но... разве решено, что Рогожин убьет?! вздрогнул вдруг князь. "Не преступление ли, не низость ли с моей стороны так цинически-откровенно сделать такое предположение!" -- вскричал он, и краска стыда залила разом лицо его». [12;8;119]

Таким образом, наблюдается открытый поток точного знания в человеке, когда снижен контроль собственных мыслей. И здесь же

просматривается реальные мысли самого князя, которые вступают в противоречие с только что осмысленным пророчеством. Некоторые исследователи, в частности Т.А. Касаткина, выдвигает весьма смелое предположение о том, что князь Мышкин был использован демоном, и именно демон нашептывал князю те или иные пророческие мысли. Касаткина считает, что причина его «двойных мыслей» в эпилепсии. И именно эпилепсия – средство, которым пользовался демон, чтобы завладеть героем. [21;80]

В таком случае встает вполне логичный вопрос: «почему же автор назвал такого героя «положительно прекрасным» и как следует интерпретировать замысел романа в целом. Неужели всё происходящее в нём – лишь блуждания во тьме?» [8]

Однако вся интуиция и пророческие способности и проявляют себя именно в тот момент, когда князь начинает говорить, словно не своим разумом. Эти «двойные мысли» героя, как назвала их Т.А.Касаткина, действительно, наталкивают на размышления о том, что какая-то часть самого Мышкина находится под покровительством неких сил. Именно от них у героя пророческий дар.

Таких моментов в романе много. Взять даже эпизод с портретом, когда Мышкин только увидел лицо Настасьи Филипповны.

«-- Удивительное лицо! -- ответил князь, -- и я уверен, что судьба ее не из обыкновенных. Лицо веселое, а она ведь ужасно страдала, а? Об этом глаза говорят, вот эти две косточки, две точки под глазами в начале щек. Это гордое лицо, ужасно гордое, и вот не знаю, добра ли она? Ах, кабы добра! Всё было бы спасено!» [12;8;31-32]

Невероятно точное замечание. И это всего лишь по одному портрету.

Многие исследователи, например, считают, что причина столь развитой интуиции князя – именно его болезнь. Как утверждает М.Н. Гаврикова: «акцент делается на главное следствие эпилепсии – имеющуюся дисгармонию в характере героя: сочетание детского простодушия, умения

сострадать, интуитивно проникать во внутренний мир людей с эгоцентричностью, замкнутостью в себе. Таким образом, болезнь здесь рассматривается как причина раздвоенности во внутреннем мире Мышкина, основа многих его неординарных черт личности». [7]

И снова мы упираемся в феномен болезни, а не мистики. Но, как было сказано в первой главе данного исследования, Достоевский наделял свою болезнь неким сакральным смыслом, а потому и толковать прозорливость князя Мышкина можно двойственно. Хотя и сам писатель не считал пророчество возможным даром, но однако же этим феноменом он чаще всего «одаривал» героев больных эпилепсией или же иными душевными расстройствами.

К тому же, например, М.Н. Гаврикова пишет, что нельзя болезнью объяснять значимые черты персонажа, и трактовать его образ лишь на исследовании болезни – не объективно. Это вполне логично, так как, на наш взгляд, расстройства здоровья или прочие физиологические нарушения не могут стать причиной для формирования значительных черт характера человека. Таким образом, трактовать болезнь, как нечто имеющее возможность прикосновения к сакральному представляется нецелесообразным.

Однако, наличие пророческих способностей и сильной развитой интуиции у героев, не только имеющих отклонения в здоровье, даёт поле для размышлений над тем, пытался ли Достоевский изобразить действительно способность предвидеть, как некий дар, или же всё это лишь глубокие подсознательные процессы, которые есть в той или иной степени развитости в каждом человеке, как говорил Достоевский в не вошедшей в сборник главке «Дневника писателя».

Еще одним примером удивительного «совпадения» является эпизод с Версиловым в романе «Подросток». Версилов в романе представлен, как довольно противоречивая личность, и тогда мы прослеживаем некоторую закономерность между героями, имеющими разлад в душе и наличием либо у

них непосредственно мистических способностей, либо мистические события вращаются вокруг такого героя. Здесь хочется снова сделать отсылку ко второй главе данного исследования, к тому, что именно внутренний разлад часто является причиной воздействия на героев нечистых сил.

Версилов тоже страдал, так называемым, внутренним душевным разладом, что ярко проиллюстрировано в эпизоде с иконой.

«Знаешь, Соня, вот я взял опять образ (он взял его и вертел в руках), и знаешь, мне ужасно хочется теперь, вот сию секунду, ударить его об печку, об этот самый угол. Я уверен, что он разом расколется на две половины - ни больше ни меньше. <...>

Вдруг он, <...>, свирепо размахнувшись, из всех сил ударил его об угол изразцовой печки. Образ раскололся ровно на два куска...» [12;13;49]

Совершенно точно предсказанный Версиловым факт свершился. Этот образ, как символ расколотой жизни персонажа: его нарочитой духовности и истинного безверия. И перед ударом это было совершенно точное знание, что образ расколется именно надвое; такое точное знание, которое, должно быть, скрыто в каждом человеке, как считал Достоевский. И то, что образ расколется надвое, зависело от самого Версилова лишь косвенно, в остальном – вмешательство провидения, высших сил. На ум приходит то, что кто-то из святых намеренно посредством этой аллегии решил показать герою его жизнь. Это подтверждается и сном князя Сокольского про некоего старика с бородой и с расколотым образом.

«А мне сказали, что ты куда-то переехал на другую квартиру, испугался и убежал.

- Кто вам мог сказать это?

- Кто мог? Видишь, я, может быть, это сам выдумал, а может быть, кто и сказал. Представь, я сейчас сон видел: входит старик с бородой и с образом, с расколотым надвое образом, и вдруг говорит: "Так расколется жизнь твоя!"». [12;13;430]

Словно святой с иконы пришел с этим пророчеством. И ведь действительно в конце романа мы находим Версилова в состоянии, про которое сам автор словами Аркадия скажет, что это только «половина прежнего Версилова». [12;13;416]

Таким образом, можно сказать, что пророчество в мире Достоевского существует, но, чтобы говорить об истоках, или, вернее было бы сказать, о причинах этого факта, нужно глубоко изучать природу человеческой интуиции вообще. А так как сам Достоевский писал о том, что пророческая способность и в целом эта область психологии на тот момент были неизученным фактом, то писатель просто изобразил это явление таким, какое оно есть в реальной действительности, оставляя изучение данного феномена за наукой следующих поколений; но и не исключая в основе творения пророчеств влияния на человека высших (либо низших) сил.

Заключение

В данном исследовании была предпринята попытка рассмотреть мистическое в творчестве Достоевского на материале «великого пятикнижия». В ходе исследования были выделены пять блоков (граней) мистического. Границы условны, и очень часто одно явление можно рассматривать в нескольких аспектах.

К тому же сложность данной работы состояла в невозможности дать точную трактовку того или иного явления, в невозможности определить действительную мотивировку писателя, так как мистическое по Достоевскому – ускользающее, миражное, и мы не находим чётких границ того, где заканчивается болезнь и начинается мистика; где заканчивается сон героя и начинается пророчество.

Вопрос о мистицизме в творчестве Ф.М. Достоевского весьма неоднозначен. С одной стороны, очевидно, то, что писатель не обходится одной лишь гранью реализма, для него реальное включает в себя мистическое. Истинный реализм показывает жизнь, как она есть, а это, значит, что факт существования всех мистических совпадений и прозрений имеет место быть в литературе, так как это есть в реальной действительности. С другой стороны, сам писатель – натура противоречивая: он высказывает теорию о спиритизме и чертях, но потом признается в том, что сам до конца не верит в собственную теорию, он называет эпилепсию «священной болезнью», и наделяет своих героев, страдающих этим недугом, пророческим даром, но сам сомневается в пророческом даре как таковом.

Реализм Достоевского стремится охватить и ту грань человеческой жизни, которая именуется мистикой.

Как пишет Э. Евтушенко «реализм той эпохи в самых высоких своих проявлениях был глубоко связан с мистикой. Одна из причин этого – в его романтических корнях, ведь иррационализм, программно вошедший в эстетику романтизма, стал мировоззренческой основой, позволившей

изменить принципы изображения мира и человека в искусстве. Другую объективную причину необходимо искать в перестройке российского культурного сознания XIX столетия, старающегося осмыслить процесс отрыва отечественной культуры от своих метафизических корней». [8]

В числе перспектив исследования можно считать необходимость изучения эволюции художественной модели мистического от раннего творчества Достоевского к позднему и вопрос о возможном творческом диалоге концепции мистического у Достоевского и других писателей (Пушкин, Гоголь, романтики, Тургенев и др.)

Список литературы:

1. Бердяев Н. Миросозерцание Достоевского/Н.Бердяев – М.: Захаров, 2001. – 171 с.
2. Бердяев Н. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. Содержит: Философия свободного духа. Я и мир объектов. Судьба человека в современном мире. Дух и реальность. 480 с. 1-е издание: Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности. Париж: YMCA-Press s.d. [1937]. 175 с.
3. Бердяев Н. Ставрогин. По изданию: Русская мысль, 1914. Кн. V. С. 80-89. [Электронный ресурс] URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyaev/berdn022.htm> (дата обращения 16.06.16)
4. Богданов Н. Священная болезнь князя Мышкина – morbus sacer Федора Достоевского. //Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения //Сборник работ отечественных и зарубежных ученых под ред. Т.А. Касаткиной. – Москва, 2001.- С. 340.
5. Булгаков С.Н. Православие. Очерки учения православной церкви, Париж 1965. 403 с.
6. Бурсов Борис. Личность Достоевского. Издательство: Л.: Советский писатель, 1979 г. 680 с.
7. Волгин И.Л. Другие редакции и незаконченные произведения. Фрагменты «Дневника писателя». [Электронный ресурс] URL: <http://dostoevskiy.niv.ru/dostoevskiy/varianty/fragmenty-dnevnika-pisatelya.htm> (дата обращения 14.06.16)
8. Гаврикова М.Н. Символы, связанные с образом князя Мышкина в романе Ф.М.Достоевского «Идиот». Значение для интерпретации «положительно прекрасного» характера. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mineralov.su/gavr1.htm> (дата обращения 30.05.16)

9. Голова Светлана. Шестоднев от Достоевского . [Электронный ресурс] URL: <http://www.proza.ru/2014/11/07/211> (дата обращения 6.12.15)
10. Григорьев Александр Геннадьевич. Творчество Ф.М. Достоевского и древнерусская мистико-аскетическая традиция: Феодосий Печерский, Сергей Радонежский, Нил Сорский : диссертация кандидата филологических наук : 10.01.01 / Григорьев Александр Геннадьевич; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова].- Москва, 2009.- 274 с.: ил. РГБ ОД, 61 10-10/113
11. Джемс В. Многообразие религиозно опыта. Лекция III. [Электронный ресурс] URL: http://www.e-reading.by/chapter.php/70058/4/Dzhems_-_Mnogoobrazie_Religioznogo_Opyta.html (дата обращения 6.12.15)
12. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. / гл. ред. В.Г. Базанов. – Л.: Наука, 1972 – 1986.
13. Дугин А.Г. Структуралистская топика социологии. . [Электронный ресурс] URL: <http://www.proza.ru/2012/07/05/1240> (дата обращения 30.05.2016)
14. Евлампиев И.И. Прогулка по кладбищу. (проблема посмертного существования в творчестве Достоевского). [Электронный ресурс] URL: <http://lib.rin.ru/doc/i/51518p3.html> (дата обращения 24.04.16)
15. Евтушенко Э.А. Мистический сюжет в творчестве Ф. М. Достоевского : диссертация кандидата филологических наук: 10.01.01.- Уфа, 2002.- 236 с.: ил. РГБ ОД, 61 02-10/1059-0
16. Иванов. Вяч. Собрание сочинений, т.4 Брюссель, 1987, сс. 401 – 444
OCR: TextShare//Достоевский и роман-трагедия. . [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/i/iwanow_w_i/text_0010.shtml (дата обращения 30.05.16)
17. Казаков А.А. Ценностная архитектура произведений Достоевского и Л.Толстого. – Deutschland: LAP Lambert Academic Publishing, 2013. – 370 с.

- 18.Карякин Ю. Достоевский. [Электронный ресурс] URL: <http://e-libra.ru/read/231467-dostoevskij.html> (дата обращения 13.06.16)
- 19.Карякин Ю. Достоевский и апокалипсис. [Электронный ресурс] URL: [http://www.e-reading.by/bookreader.php/129788/Karyakin - Dostoevskii i Apokalipsis.html](http://www.e-reading.by/bookreader.php/129788/Karyakin_-_Dostoevskii_i_Apokalipsis.html) (дата обращения 6.12.15)
20. Карякин Ю. Самообман Раскольников. [Электронный ресурс] URL: <http://www.wysotsky.com/0009/555.htm> (дата обращения 14.06.16)
- 21.Касаткина Т. А. Роль художественной детали и особенности функционирования слова в романе Ф.М. Достоевского "Идиот". //Роман Ф.М. Достоевского "Идиот": современное состояние изучения //Сборник работ отечественных и зарубежных ученых под ред. Т.А. Касаткиной. – Москва, 2001.
- 22.Ковалевская С.В. Знакомство с Ф.М.Достоевским. . [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0600.shtml (дата обращения 30.05.16)
- 23.Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении. М.: Республика, 1996, 447 с.
- 24.Лихачев Сергей. Литературные сны в произведениях Достоевского . [Электронный ресурс] URL: <http://www.proza.ru/2014/11/10/2493> (дата обращения 6.12.15)
- 25.Лосский Николай. Достоевский и его христианское миропонимание . [Электронный ресурс] URL: <http://fanread.ru/book/8334991/?page=24> (дата обращения 6.12.15)
- 26.Мартинсен Дебора и эпистемическое сомнение . [Электронный ресурс] URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=967 (дата обращения 6.12.15)
- 27.Мелетинский Е.М. Заметки о творчестве Достоевского. М.: РГГУ, 2001. 190с.
- 28.Милош Чеслав «Достоевский и Сведенборг» . [Электронный ресурс] URL: http://krotov.info/libr_min/13_m/il/osh_01.htm (дата обращения 6.12.15)

29. Миресашвили М.Э. Сновидение как художественный приём в творчестве Ф.М. Достоевского и М.А. [Электронный ресурс] URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Mik_2012_15_1_49 (дата обращения 19.06.16)
30. Мочульский К. Достоевский. Жизнь и творчество. [Электронный ресурс] URL: <http://dostoevskiy.niv.ru/dostoevskiy/bio/mochulskij-dostoevskij-zhizn-i-tvorchestvo/index.htm> (дата обращения 30.05.16)
31. Назиров Р.Г. Творческие принципы Достоевского. Саратов: Саратовский ун-т, 1982; . [Электронный ресурс] URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-ch11.php> (дата обращения 6.12.15)
32. Нейчев Н. Таинственная поэтика Ф.М. Достоевского/ Н. Нейчев [пер. с болг. Т. Нейчевой; предисл. И. Есаулова]. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. – 316 с.
33. Никольский Е.В. Критика спиритизма в публицистике святителя Феофана его современников (Н.С. Лескова, Ф.М. Достоевского, Вс.С. Соловьева, А.Ф. Тютчевой) . [Электронный ресурс] URL: <http://isgi.ru/article/nikolskiy-ev-kritika-spiritizma-v-publicistike-svyatitelya-feofana-ego-sovremennikov-ns> (дата обращения 6.12.15)
34. Померанц Г. С. Открытость бездне. Встречи с Достоевским. – Москва, 1990 . [Электронный ресурс] URL: <http://www.litmir.net/br/?b=193521> (дата обращения 30.05.16)
35. Сараскина Л. Бесы: роман-предупреждение. [Электронный ресурс] URL: <http://profilib.com/chtenie/108901/lyudmila-saraskina-besy-roman-preduprezhdenie-33.php> (дата обращения 30.05.16)
36. Сараскина Л.И. Фёдор Достоевский. Одоление демонов/ Л.И. Сараскина. – М.: Согласие, 1996. – 462 с.
37. Соловьёв Владимир. Три речи в память Достоевского. (Электронная библиотека RoyalLib.Com, 2010-2015). [Электронный ресурс] URL: http://royallib.com/read/solovev_vladimir/tri_rechi_v_pamyat_dostoevskogo.html#0 (дата обращения 6.12.15)

38. В. Соловьев, «Оправдание добра», гл. 8, II. . [Электронный ресурс] URL: <http://www.vehi.net/soloviev/oprav/08.html> (дата обращения 6.12.15)
39. Фрейд З. Толкование сновидений. . [Электронный ресурс] URL: <http://e-libra.ru/read/178345-tolkovanie-snovidenij.html> (дата обращения 30.05.16)
40. Фридлендер Г.М. Реализм Достоевского. [Электронный ресурс] URL: <http://dostoevskiy.niv.ru/dostoevskiy/kritika/fridlender-realizm-dostoevskogo/glava-vii-problema-filosofskogo-romana.htm> (дата обращения 30.05.16)
41. Современный толковый словарь изд. «Большая советская энциклопедия онлайн-версия. [Электронный ресурс] URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-encycl-term-36423.htm> (дата обращения 6.12.15)

Уважаемый пользователь! Обращаем ваше внимание, что система «Антиплагиат» отвечает на вопрос, является ли тот или иной фрагмент текста заимствованным или нет. Ответ на вопрос, является ли заимствованный фрагмент именно плагиатом, а не законной цитатой, система оставляет на ваше усмотрение.

Отчет о проверке № 1

дата загрузки: 20.06.2016 10:18:58

пользователь: veronika_lebedeva.94@mail.ru / ID: 3530923

отчет предоставлен сервисом «Антиплагиат»

на сайте <http://www.antiplagiat.ru>

Информация о документе

№ документа: 5

Имя исходного файла: ВКР _Лебедева_ д.docx

Размер текста: 123 кБ

Тип документа: Не указано

Символов в тексте: 81904

Слов в тексте: 11582

Число предложений: 620

Информация об отчете

Дата: Отчет от 20.06.2016 10:18:58 - Последний готовый отчет

Комментарии: не указано

Оценка оригинальности: 70.48%

Заимствования: 29.52%

Цитирование: 0%

Оригинальность: 70.48%

Заимствования: 29.52%

Цитирование: 0%

Источники

Доля в тексте	Источник	Ссылка	Дата	Найдено в
4.35%	[1] Том 5. Преступление и наказание	http://lib.rus.ec	раньше 2011 года	Модуль поиска Интернет
4.35%	[2] Скачать/Достоевский 05 Том 5. Преступление и наказание.fb2	http://e-reading.org.ua	раньше 2011 года	Модуль поиска Интернет
3.34%	[3] не указано	http://ihtik.lib.ru	раньше 2011 года	Модуль поиска Интернет

